

ПОКА мы проходим мимо этих юношей. За спиной их возмущаемся, вспоминаем свою боевую, строгую, трудовую молодость: «Эх! Тогда мы были другими. Пример с нас брали». Удивляемся почему, отчего, откуда растут такие выродки: «Отцы-то, матери-то — тружиги, уважаемые люди! Для многих, очень многих взрослых это стало системой, этакой прозрачной оболочкой, сквозь которую они все видят, обсуждают, возмущаются, но разорвать ее, вмешаться не желают.

«Меня не трогают, так мое гражданство тут причем?! — говорят они. — Скажи этому заросшему, лохматому, с подкрашенными в рыжеватый цвет волосами, в брюках «слоновой мозги» из белого в полосочку матрасного материала, неизвестно когда бывших под углом... Так он тебя каскадом таких словечек оплюет.

«А вы делали замечание родителям этого лохматого?» «Что вы! Или получите в свой адрес реплику: не ваше дело, сам роди и воспитывай. И перед твоим носом закроется дверь. Или родители просто жалостливо разведут руками, поклонятся, дескать, вышел из-под нашей власти: не можем остыть, приходится одевать по моде «лохматых». И тут же вы можете услышать от них обвинение в адрес общественности, школы, милиции: «Не помогают бороться!». Они, эти последние, правы. Наши общественные организации и особенно комсомол слишком лояльны и не предъявляют должных требований к не-радивым родителям и полной цене не спрашивают с них за воспитание детей. Милиция, народный суд — это последняя, нежелательная, стадия, там уже будет расплата за содеянное по законам уголовного права. О таком печальном и непроправимом эти строки.

ВИНОВАТ САМ!

(исповедь после суда).

— Виноват сам! — с этих слов начался наш разговор с осужденным на четыре года лишения свободы юношей, которого знают многие в нашем городе. Константином Коротковым. Сейчас он стал совершенно другим, трезво и обстоятельно оценивает свой каждый шаг.

— В своем последнем слове перед судьями я просил прощения, у людей, которых нагло обворовывал, брал их вещи, заработанные честным трудом. В жизни до суда много раз из моего рта выплетали извинения, прощения, но их надолго не хватало, что и привело к этой трагедии. Сейчас я через вас, корреспондента, прошу поместить мою просьбу к людям, пострадавшим от моих рук: простите! Я больше никогда в своей жизни не сделаю и шага к воровству. Срок наказания определен, получил по заслугам. Я забыл о знатании пословицы: «Сколько веревку ни вить, а концу быть». Хорошо, что вовремя схватили за руку, а то...

И Коротков спрятал свои руки, которые прекрасно владеют струнами гитары, умеют работать и писать стихи... за спину.

— У меня были хорошие, справедливые товарищи, я не ценил их, отошел в жижу болота, пустился по волнам «модных» лохматых мальчиков. Их, кстати, в зале суда сидело немало. Они смеялись над моими словами, обращенными к судьям, что именно с дешевки модных волос, брюк, скрипящей музыки, словесных верхушек началось мое падение. В моей голове не было глубоких знаний, не было элементарных мозгов — одна пустота и оболочка из тряпок и волос.

Я тоже, как и они, смеялся, только про себя, когда мне взрослые делали замечания. Считал, что они просто не понимают современную моду. Всехшово извинялся перед ними (это была моя маска) и продолжал свое. Плохо, но по-своему. Это же было самоиздевательство! И вот, когда

раздался в зале суда смех, мне стало обидно, хотя я на это не имел права, за них — за В. Волкова, А. Турусова, С. Крупенина, А. Леонова, В. Мартынова и других. Они не поняли, даже на моем примере не поняли, чем длинноволосые и короткошерстные кончатся.

Да, я опустился до такой степени, что позволил своим рукам взять чужую вещь, продать ее... Часть денег пропивали, часто не знаю, как и расходилась. Это же были деньги не трудовые. Взял один раз — не попался, взял второй — опять прошло, стал замахиваться на большее. Остановили. Теперь я лишен свободы.

Коротков рассказывает медленно, его руки — за спиной, он все время отводит от меня глаза.

— Можно закурить, гражданин Туманов?

— Кури, но почему ты меня так называешь?

— Не имею права называть вас по имени и отчеству, обращение «товарищ» тоже теперь не для меня.

Наша встреча с Ионом Федоровым, вторым подсудимым, была за неделю до его ареста. Он задал мне вопрос: «Чего же вы пешком ходите?» Я ответил, что кто-то открыл от моего «Спутника» переключатель скоростей и звездочки, а в магазинах таких деталей нет. Ион очень горячо возмущался поступками мелочных воров. Разве я мог поверить, что этот высокий парень, хороший спортсмен, с прической длинных волос, которая его не уродовала, — преступник.

Ион Федоров чистосердечно поведал следователю все свои воровские дела, совершенные с Константином Коротковым. Три

БЫЛО ВРЕМЯ НА ИСПРАВЛЕНИЕ

Наша встреча с Ионом Федоровым, вторым подсудимым, была за неделю до его ареста. Он задал мне вопрос: «Чего же вы пешком ходите?» Я ответил, что кто-то открыл от моего «Спутника» переключатель скоростей и звездочки, а в магазинах таких деталей нет. Ион очень горячо возмущался поступками мелочных воров. Разве я мог поверить, что этот высокий парень, хороший спортсмен, с прической длинных волос, которая его не уродовала, — преступник.

Ион Федоров чистосердечно поведал следователю все свои воровские дела, совершенные с Константином Коротковым. Три

ЗАМЕТКИ ИЗ ЗАЛА СУДА

Новожилова — 16 лет (мать К. А. Новожилова работает в охране). Их не смутил патруль во главе с сотрудником милиции А. И. Калининым. Они спокойно скидывали карты. Потом стали доказывать свою самостоятельность и неприкосновенность. Четверых доставили родителям, которые в это время смотрели телепередачу, и даже не предполагали, чем заняты их дети в столь позднее время. Ну, а если учсть, что Николай Новожилов и Алексей Кузнеццов за совершенные проступки уже стоят на учете в детской комнате милиции, то бдительность родителей должна быть острой. Более серьезная игра в карты — уже на деньги была у Юрия Терентьев (отец Н. И. Терентьев работает в спортивном клубе), Виктора Коровякова (отец Д. В. Коровяков работает в ВЦ) и Николая Добринина (отец А. М. Добринин работает в ЛЯРе).

Из ряда вон выходящий по-

дителю об «охотничьих зо-

ны»? На охоту же присту-

мичи никого не было — и

ла подростков от трактиров

завершения «охоты».

А как реагируют роди-

века, вдруг посторонний

век приведет в дом их ба-

кушившего ребенка. Вот са-

мые часы 20 минут в гро-

шум, крики, свист. Оказы-

— подростки развлекаются

хоккей, делаю замечание. Сле-

ти!» Хорошо, пойдем к роди-

телям. Один из них: «Ну и

веди!» Идем. Квартира хули-

гана ОЖХХ Д. А. Гусева. Сын открывает дверь в па-

жу. Темно. «Папа к тебе

шли», — зовет он. «Кого

еще несет!» — слышит го-

тимовты комнаты. Я пред-

лаюсь, прошу принять си-

объяснения, что он своим

шумом мешает людям. В

ответ слышу: чтобы в

Гусеву, не приставали, он

знает, где его сын про-

время, это вам не коротыш-

сыночек, что по барам ша-

ся... и вообще, не место

спать. «Идите вы...», — си-

и в борьбе с

концовка.

Сын Гусева, кисло улыб-

ясь мне в лицо, подгреб

по лестнице сбегает в

двор.

Я вспоминаю слова уважа-

го в нашем городе преступни-

ка А. К. Боровского: «Больше

боялся я, если отцу и

кто-то из взрослых пожале-

на мое плохое поведение,

уж прав не ищи — все

спустят».

Не удивляйтесь, если из

гусевых вы услышите: «С

всем читателям. Ставте

показите пример!

Ю. ТУМАНОВЫХ задач

вучебников в ду-

тической Республики Выс

21.15 — «Вызывают оты

и нарушителям

А. К. Боровского: «Больше

боялся я, если отцу и

кто-то из взрослых пожале-

на мое плохое поведение,

уж прав не ищи — все

спустят».

Куда пойти

в часы досуга

2 сентября, в Доме куль-

тюрного морала и

нарушителям

16—17 часов, по-

еще не

все

и

затем

власти

и

власти

и